

хотворений и еще только готовил свой первый сборник «Таинственные дали».

На рубеже столетий интенсивно переводятся на немецкий язык стихотворения трех крупнейших чешских поэтов — Й. С. Махара, Ю. Зейера и О. Бржезинь. Если переводы Махара, к сожалению, несколько запоздали и поэтому не получили достаточного резонанса, то произведения Зейера в эти годы выходят неоднократно: с 1898 по 1907 г. его книги издавались в Праге, Берлине, Дрездене, Вене, Мюнхене, Галле, Брикссене около десяти раз! В 1908 г. в Вене издан в переводе Э. Саудека сборник Бржезинь «Руки», с которого начинается «спонтанный прорыв в немецкую культуру» (стр. 376). Именно этот сборник положил начало знакомству с чешской литературой, в частности с чешским символизмом, целого ряда видных немецких писателей, как это подтверждается высказываниями С. Цвейга, Р. Демеля, Ф. Верфеля.

Новое качество в процесс распространения чешской литературы вносили, как показывает исследование, писатели и переводчики, принадлежавшие к германской социал-демократии и пропагандировавшие прежде всего произведения с социально-политическим зарядом. Примером может служить перевод Й. Котекком «Песен раба» С. Чеха (Штутгарт, 1897), которые были созвучны политическому протесту социал-демократов Германии.

Последнее десятилетие века ознаменовано проникновением в немецкую среду — вслед за поэзией и прозой — чешской драматургии. В середине 1892 г. в Вене состоялся, выражаясь современным языком, международный музыкальный и театральный фестиваль, на который были приглашены берлинский Немецкий театр, парижская «Комеди Франсез» и пражский Национальный театр. Открыв гастроль восторженно принятой «Проданной невестой» В. Сметаны, пражане показали затем три драмы: «Сватовство Пелопы» — первую часть драматической трилогии «Гипподамия» Я. Врхлицкого, «Слуга своего господина» Ф. В. Ержабека и «Ян Вырва» Ф. А. Шуберта, первого директора Национального театра, руководившего

поездкой в Вену. Хотя успех драм был явно скромнее, чем сметановской оперы, гастроль показала, что в Чехии существует самобытная и разнообразная отечественная драматургия, а в целом участие пражского Национального театра в этом международном творческом соревновании было воспринято современниками как «триумфальное вступление чешского искусства в Вену».

Последний раздел второго тома, написанный с некоторой поспешностью, посвящен пражским немецким поэтам как пронагадистам чешской литературы до и во время первой мировой войны. Это были преимущественно литераторы, группировавшиеся вокруг М. Брода. Один из них (О. Пик, П. Эйсер) занимали буржуазно-демократические позиции, другие (Р. Фукс) — социалистические. Пропаганда лучших достижений чешской словесности, например «Силезских песен» П. Безруча, стала для многих из них «шагом к политической апатизации» (стр. 368).

Прогрессивные традиции в деле распространения чешской литературы в Германии, служившем взаимопониманию между немецким и чешским народами, были продолжены и развиты затем в межвоенный и послевоенный периоды и связаны с творческой и переводческой деятельностью таких мастеров немецкой культуры, как Б. Брехт, Ф. К. Вейскопф, Э. Э. Киш, Л. Фюрнберг, Ф. В. Нильсен.

Поздравляя М. Йенихена с созданием фундаментального двухтомного труда, глубоко и всесторонне освещающего процесс проникновения чешской литературы в немецкую культурно-языковую среду на протяжении целого столетия, хочется пожелать немецкому литературоведу продолжить свои исследования и показать в будущих работах литературные контакты между Чехией и Германией в 20—30-е годы XX в. и — особенно — плодотворное творческое взаимодействие социалистических литератур Чехословакии и Германской Демократической Республики на современном этапе их развития.

Ю. И. Рутчик

НОВЫЙ ТРУД БОЛГАРСКИХ УЧЕНЫХ О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА

Григорий Цамблак — один из наиболее видных и талантливых болгарских писателей средневековья, чье творчество имеет общевосточное и общеславянское значение. Потому оно и принадлежит одновременно нескольким народам — болгарскому, молдавскому, русскому и сербскому. В настоящее время известно до 40 его сочинений — исторических повестей, легенд, житий, похвальных слов, поучений,

служб и канонов, — из которых приблизительно 15 издавались на страницах славистических журналов и сборников. Полного издания всех сочинений Цамблака с учетом рукописного наследия писателя мы пока не имеем. Необходимость современного научного издания произведений знаменитого ученика и сподвижника последнего Тырновского патриарха Евфимия очевидна. Болгарские ученые многое

делают в этом направлении. Только за последнее время Издательство Болгарской академии наук выпустило в свет книги П. Русева и А. Давидова «Григорий Цамблак в Румъния» (1966), К. Мечева «Григорий Цамблак» (1969). Рецензируемый труд¹ — продолжение целостного изучения и издания произведений этого видного балканского писателя.

Литературное и общественное дело Евфимия Тырновского было по достоинству оценено его учениками и последователями. Так, о нем пишут основатель Бдинской литературной школы Иоасаф Бдинский в «Похвальном слове Филофее», Константин Костенчский — один из ревностных последователей Евфимиевой реформы православия. Но Похвальное слово Евфимию, написанное Григорием с необыкновенной теплотой, остается самым трогательным и проникновенным панегириком великому писателю. Прославляющее Евфимию как общеславянского святого, оно написано в западнорусских землях Великого княжества Литовского в 1415—1418 гг.

Рецензируемая книга включает следующие разделы: Предисловие (стр. 5—6), «Похвальное Слово Григория Цамблака о Евфимии Тырновском» П. Русева (стр. 7—53), «Цамблаково Слово о Евфимии и болгарский литературный язык конца XIV в.» И. Гыльбова (стр. 55—90), «Списки и издания Похвального слова о Евфимии Григория Цамблака» А. Давидова (стр. 91—109), древнеславянский текст «Слова» по Московскому списку XVI в. с разночтениями, а также повоболгарский перевод и комментарий к издаваемому тексту — А. Давидова, Г. Данчева и П. Русева (стр. 111—233), «Словарь-индекс Похвального слова Евфимию Григория Цамблака» А. Давидова (стр. 234—439) и резюме на французском языке ко всей работе (стр. 441—447).

Со времени первого издания «Слова» Л. А. Кавелиным (1871 г.), большинство исследователей обращались к тексту «Слова» как к историческому документу (К. Ф. Радченко, К. Иречек и др.), ибо оно богато подробными свидетельствами из биографии Евфимия, почерпнутыми Григорием из личного знакомства с Евфимием; кроме того, рассказ Григория о взятии Тырнова в 1393 г. османами — это рассказ очевидца, он упикилен и достоверен. Художественная сторона произведений мало интересовала историков. Лишь в последнее время В. Велчев представил ана-

лиз «Слова» как памятника литературы². Этим же путем идет и П. Русев. Он стремится раскрыть художественное существо видения Цамблаком образа Евфимия. Анализируя композицию и стиль панегирика, П. Русев тем самым утверждает непреходящий характер мастерства Григория как писателя, чьи творения сохраняют художественную ценность для нас. Воссозданный Цамблаком внушительный и величавый образ последнего тырновского патриарха соответствует, по мнению П. Русева, «родолюбивому, народностному» отношению Цамблака к болгарской действительности конца XIV в. и позволяет судить о последнем как «ренессансной личности», чей творческий метод близок болгарской литературе предвозрожденческой поры.

Верно указывая на идейно-эстетическую задачу и жанровую окраску памятника, П. Русев стремится более показать отличительные особенности произведения, нежели его традиционность, более обращает внимание на отклонения от «клише» и формул, чем на топонку, которая была весьма существенной стороной греко-славянского энциклопедия той поры. Нам кажется, что более широкое использование теории так называемой «литературоведческой риторики» и топологии помогло бы и более точно оценить соотношения традиционного и оригинального в памятнике, а может быть, позволило бы «заглянуть» в творческую лабораторию Григория.

Вряд ли было бы правомерным сужать значение произведения, утверждая, что оно «было предназначено для прочтения где-то на юге, в Южной России, или в Молдавии, где в то время находилось довольно много болгарских эмигрантов, не только монахов, но и мирян» (стр. 19). Нет, оно нужно было не только болгарским эмигрантам, а всему православному восточному славянству, ибо, как справедливо полагает П. Русев, «Слово Похвальное» было как-то связано с канонизацией Евфимия и получило широкое распространение во многих древнерусских списках XV—XVII вв.: издателям книги их было известно пять, нам известны еще два³; дальнейшие же разыскания в библиотеках и архивохранилищах со временем, может быть, позволят уточнить и эту цифру.

² В. Велчев. Творчество на Григорий Цамблак в светлината на южнославянския предренесанс. «Език и литература», год. XVI, 1961, кн. 2, Ср. «История на българската литература», т. I. Старобългарска литература. Под ред. на В. Велчев, Е. Георгиев, П. Динев. София, 1962, стр. 326—346.

³ ГБЛ, собрание Ундольского, № 1421, л. 16—27; ЦИАЛ, ф. 1015, оп. 1, № 3, л. 171—205.

¹ П. Русев, И. Гыльбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евфимий от Григорий Цамблак. Отговорен редактор чл.-кор. на БАН Е. Георгиев. София. Издательство на Българската академия на науките, 1971, 448 стр.

Возможно, здесь уместно поставить также вопрос о том, не был ли Григорий очевидцем гибели Велико Тырново (1393 г.) и сподвижником патриарха во время скитаний последнего по Западной Болгарии?

Произведения Григория Цамблака в известной мере помогают нам в деле восстановления канонов литературного языка и стиля Евфимиевой школы. Поэтому исследование И. Гылыбова, использованного для сравнения текст недавно научно изданного в Болгарии Мучения Иоанна Нового, имеет особое значение: ведь нормы среднеболгарского языка были действительны и для общелитературного языка конца XIV — начала XV в. молдавского, русского и сербского народов. Используя только часть лексического материала «Слова», И. Гылыбов раскрывает яркие черты Цамблаковой лексики и устанавливает их связь с лексикой двух самых ранних школ древнеболгарского языка.

Добросовестно и всесторонне А. Давидов анализирует орфографические, фонетические и некоторые лексические особенности пяти списков «Слова», из которых один — Барсовский — он открыл сам, один — нашел Б. Ангелов, а три были известны в науке раньше. Все же распределение им списков на архетипные группы и восстановление двух пропущенных звеньев не подкреплено исследованием истории текста («Слова Похвального»). Последняя так и осталась здесь, к сожалению, не проясненной. Потому и схема, приведенная на стр. 108, выглядит хотя и вероятной, но мало аргументированной, оттого и вывод исследователя о том, что Московский список XVI в. сохранил более всего старинных языковых черт школы Евфимия и потому должен быть принят за основной в научном издании, не очень-то фундирован.

Что же касается основных принципов передачи текста Московского списка, то с ними в принципе можно согласиться: текст передан со всеми буквенными знаками оригинала, для удобства цитирования он разделен на 67 стилистических перио-

дов, пунктуация расставлена везде современная, восстапавливаемые буквы заключены в угловые скобки, все цитаты из Священного писания отмечаются в подстрочных примечаниях. Для образцового издания здесь не хватает более упорядоченной системы подачи разночтений: последняя представляется пока запутанной и трудночитаемой, характеристика же индивидуальных особенностей Московского списка не выделена, а почему-то запрятана в середине разночтений.

Несомненное достоинство рецензируемой книги — поэтический перевод «Похвального Слова» Евфимию на новоболгарский язык. До сих пор наука не располагала удовлетворительным переводом «Слова», ибо прежние переводчики (В. Киселков, И. Иванов, Бож. Ангелов и М. Генов, И. Дуйчев и др.), стремясь к буквальной точности, не всегда обращали внимание на поэтичность древнеболгарского текста. Перевод же А. Давидова, Г. Данчева и П. Русева учитывает и необыкновенный лиризм памятника и перепады его стиля от повествовательного к панегирическому, помогая оценить исключительное мастерство митрополита Григория как рассказчика, панегириста и агиографа.

Словарь-индекс охватывает все словесное богатство «Похвального слова» Евфимию, содержит множество иллюстративного материала со ссылками на известные словари А. Х. Востокова, Ф. Миклошича, И. И. Срезневского, Л. Садик и Р. Айтцетмюллера, Чехословацкой академии наук. Значение словаря-индекса выходит за пределы задач изучения одного только памятника; он будет полезен для всех, кто изучает лексику произведений Евфимиевой школы.

Все разделы рецензируемой книги, как видим, объединены общей задачей: ввести в научный оборот новый материал о Григории Цамблаке. Несмотря на выказанные выше критические замечания, она заслуживает высокой оценки.

Ю. Бегунов, П. Бойчева

«Польские говоры в СССР» Ч. 1. Исследования и материалы. 1967—1969. Минск, 1973, 232 стр.; Ч. 2. Исследования и материалы. 1969—1971. Минск, 1973, 215 стр.

Институт языкознания им. Я. Коласа АН БССР приступил к изданию новой серии под названием «Польские говоры в СССР». В 1973 г. из печати вышли две первые книги, в которых опубликованы статьи полонистов Минска, Москвы, Вильнюса, Риги, Львова и других городов. Обе книги вышли под редакцией известного белорусского слависта проф. В. В. Мартынова.

Как известно, в Советском Союзе имеется значительное польское население. По

переписи населения 1970 г. оно составляет свыше 1 млн человек. На территории Белоруссии и Литвы падают компактные сельские население, речь которого представляет большой интерес не только для полонистов. Здесь наблюдаются разнообразные формы языковых контактов от простых случаев лексических заимствований до глубоких взаимопропикповений одной языковой системы в другую. Известны польские села, жители которых говорят на диалекте, сформировавшемся в